

СВЯТОЕ МЕСТО В ГЛОБАЛЬНОМ МАСШТАБЕ

Морозов И.В., доктор культурологии, профессор, Белорусский государственный университет культуры и искусств

Чувство душевного равновесия, удовлетворенности, спокойствия, благополучия можно свести к широко толкуемому акту ориентации. В кибернетике она означает получение и переработку информации извне, что обеспечивает всякую жизнедеятельность. Для человека это означает последовательное раздвижение сферы потенциального опредмечивания мира. Таким образом он находит всему свое Место, как будто расставляя вещи в пустующей квартире. Более того, обнаруживает: он сам «есть место в мире», «имеет место быть» что наделяет любое человеческое существование особостью и особенностью. Так для ума жизнь стала чем-то «имеющим место в пространстве» (О. Шпенглер).

Именно в этом усмотрении и действии человек обретает «экзистенциальное пространство, которое получает свое существо от Мест и разворачивается сугубо под их влиянием [1]. Поэтому мы и живем на территории, или на земле, где надо торить пути-дороги, соединяя всевозможные Места. Тое есть, на обжитой, культурной Местности преисполненной «чисто человеческого переживания» (К.Линч). Ибо мысль о присутствии человека всегда подводит к теме пребывания человека, где слышится-теплится оседлость, жилье, место обитания, где появляется «человек-на-месте» [2]. В результате и обретаем способность-предназначение быть «мерой всех вещей», становиться целью и результатом преобразования мира и себя в нем – как самость, Место-имение.

Человек принимает имение Места как дар. И не будь человек постоянным приемником этого дара, он не был бы человеком (М Хайдеггер). Одаривая себя, человек одаривает само Место, делает его одухотворенным плодом житнетворчества. В свою очередь, мы испытываем необъяснимое волнение, особое чувство полноты самосознания всюду, где обнаруживается эта частица нас самих. Так выказывается феномен Местопребывания человека, обнаруживается «магическая причастность» (Г.Юнг) Я, Мы, и Оно – к феноменальной со-вместности. Более того, это творческая сопричастность-реализация Местотворчества, или наших желаний-устремлений укорениться в Бытии посредством преобразования-обустройства мира. С этим духовным, прежде всего, актом только и наступает окончательное умиротворение. Оно незамедлительно исчезает с «потерей» Места, и тогда возникают серьезные психологические проблемы: угнетенность, стресс, даже болезни. Отсюда тот трагизм, который мы переживаем с утратой Места, то напряжение, с которым мы стараемся обрести его вновь. С невольной переменой Мест в нас оживает архетипическая метафора некоего агрессивного, недоброжелательного события, нарушающего гармоничный

ход вещей. А страсть к перемене Мест – наше неизъяснимое влечение познать-распространить свое представление о мире. Чтобы сравнить и потом понять-проникнуться, что все они уникальны, как события. Но есть одно, куда влечет вернуться, ибо оно – событие отдельного Я, сплоченного рода-племени, самодостаточного этноса, целокупной культуры.

Отсюда наша врожденная обеспокоенность-забота о Месте. В «коллективном бессознательном» незыблемость Места олицетворяется с торжеством добра над злом. Иначе говоря, в социальном плане феномен место-имения зиждется на принципе «соответствия между людьми и местом»: оно сродни отношению людей между собой, возникающему из самих связей «людей-на-месте» [2].

В представлении древних, только незыблемость Места гарантировало благополучие. Изображение, изваяние бога внимало мольбам, исключительно находясь на определенном Месте. И сегодня для так называемых примитивов пере-мещение святыни означает потерю ее чудотворных качеств, а то и приближение «конца света». И сегодня перемещение некоего памятника вызовет внутреннее беспокойство, а то и ярый протест-бунт.

Потому как искони при всех индивидуальных и культурных различиях люди имеют одну общую «странность» – выделять неким феноменальным образом Места особой значимости, способные быть единственными в своем роде. Обретение подобного Места – архетипическая потребность человека, вызывающая его жажду бытия. Она подвигает как бы имитацию космогонического деяния богов.

Начальная фаза этого «завоевания» – признание самого факта наличия Места как такового и последующие мнемоническое включение его в сферу знания и локализация на когнитивной карте. Поэтому знакомые Места – самый распространенный тип, поверхностный «слой» связанных между собой впечатлений, «это всего лишь пространство, на котором мы располагаемся как нам удобнее» [3, с. 443].

Однако уже то, что мы отдаем предпочтение Местам перед неизвестностью, наделяет их «эмоциональным значением» (Ф.Шлейемахер), «эмоциональной очевидностью» (Ф.Брентано). Отсюда мы живем-творим не просто от Места к Месту, но выделяем в них богатейшую палитру семантических индивидуальностей, благодаря чему наш мир насыщен Местами удобными, приятными, памятными, ужасными, мрачными и радостными, доходными, выгодными, знаменитыми, легендарными, противными и желанными...

Когда предпочтение Места перерастает в явную «внеобыденность», необходимость, внутреннее влечение вне зависимости от объективных его свойств, оно отзывается в нас чувством, которое на всех наречиях имеет один и тот же смысл – любовь. Любовь к Месту сродни любви к человеку; часто они выступают как тождественные, по крайней мере, метафорические понятия. С любимым Местом мы готовы связать свою жизнь, ибо доверяем ему, вверяем свое бытие, верим в него, как в свою

собственную реальность. В нем человек в высшей степени чувствует свою защищенность и ясность своего местоположения в мире.

И любовь, и ненависть к Местам наполняет наше бытие, одаривает удовлетворенностью, радостью, счастьем местотворчества. Все это имманентно даровано человеку с его рождением, и не зависящими от него желания обретением того, что мы называем родным Местом. Оно «знакомо до слез» (Щ. Мандельштам). С ним навсегда мы связываем свое представление о судьбе, проникаемся «мистической причастностью» к той части суши, на которой изначально обитаем, над которой витают духи лишь наших предков [4, с. 284].

Древние римляне со свойственной им лаконичностью полагали: «Ubi bene, ibi patria» («Где хорошо, там и родина»). И все-таки противопоставляли ее чужбине. «И не было еще человека, который был бы до того оболещен, что от избытка чудес в чужих краях мог предать забвению отчизну» (Лукиан). Всякое проявление родины «сладко и приятно», ведь в ней наши духовные корни: нравы, обычаи, традиции – родная культура, которая расцветает «на почве строго ограниченной местности, к которой она остается привязанной наподобие растения» [5, с. 172].

В чувстве родины замысловато переплелись и консерватизм, желание видеть его как бы в первозданном образе «города детства», и новаторство, добронамеренное участие в со-в-местной с ним судьбе.

Итак, уже в самой кроткой реализации способности к различанию добра-зла и, следовательно, разнокачественности Мест проявляется иерофания вхождение сакрального, отделяющего определенную территорию в космосе, тем самым делая ее качественно другой (М.Элиаде). И до того обширной, что в-мещает вездесущее присутствие божественного, сакрального. Этим собственно выражается не столько «потусторонняя» воля, сколько жажда человеческого самоутверждения. Обретение святого Места есть высший (в духовной сфере) акт со-в-местного место-имения, ибо оно выказывает утверждение идей, возможное лишь в сообществе «единоверцев», способных и предрасположенных к духовной со-в-местимости, к сообществу всех-в-месте.

Поэтому мы так дорожим святынями, где, возможно, дает о себе знать архетипический страх перед неуправляемой и непредсказуемой деструкцией, культурной энтропией.

Принципиальные условия-мотивы местотворения известны из мифологии, неизменно выделяющей и противопоставляющей два основополагающих ипостаси бытия: космос и хаос, порядок и его антипод, современным языком, энтропию. Всякая космогоническая концепция строится всецело на установлении некой стабильной предустановленности, изначально «дарованной» человеку. Повседневный жизненный опыт не переставал подсказывать человеку, что его существование, тем более благополучие, находятся в определенной зависимости от этой вселенской уравновешенности, гармонии, которой подобает не только следовать, но и

учиться, поддерживать-совершенствовать. Неспроста издревле с порядком связываются высшие духовные ценности: красота и добродетель, господство которых необходимо, «чтобы личность гармонировала с общим порядком мира и нигде не вторгалась в него, задерживая или нарушая его» [6, с. 7]. Но...

«Беспорядок неотделим от творчества, поскольку это последнее характеризуется определенным порядком» [7, с. 127]. Беспорядок не только оттеняет порядок, но и является сферой его существования и, как ни парадоксально, разрушения. Ведь в синергетическом понимании хаос – некая сверхсложная упорядоченность, существующая неявно, потенциально и могущая проявиться в огромном многообразии упорядоченных структур. Благодаря этому мы преодолеваем стереотипы, доказывая, что красота подвижна, а совершенствование не имеет пределов.

Точно так же и в метаисторическом срезе: стиль идет на смену стилю, эпохи вымещают одна другую. Не сами по себе, а по творческой воле человека, который перманентно «ищет эпоху приятную во всех отношениях, где он мог бы пользоваться наибольшей свободой и наибольшей поддержкой». [7, с. 43].

И наша история-культура действительно напоминает путь, истоки которого уходят в непроглядную старину, а предстоящее кутается в пелене будущего. Можно также заметить, что он то и дело, словно оглядываясь, после буйства поиска и экспериментов возвращается к концепции упорядоченного Места. Или к Дому, искони родному Месту, которое в переломные и тревожные времена становится спасительным, воистину святым.

Ныне времена именно таковы. Мы словно потеряли почву под ногами и летим, точнее, проваливаемся неведь куда.

То, куда мы спешим,
этот ад или райское место,
или попросту мрак,
темнота, это все неизвестно...

И.Бродский

Это пугает и озадачивает, заставляет спланиваться, иди к согласию, духовной со-в-местимости. Но прежде понять-проникнуться, что на обозримое и даже невообразимое будущее у нас, человечества останется лишь единственный, круглый, как гнездо птицы, и пока еще теплый Дом – Земля. И никому ни будь, а многомиллиардному домочадцу предстоит навести в нем достойный Порядок, что требует уже не столько Цивилизации-строительства, сколько заботы, выхаживания – Культуры. Тогда мы сможем позабыть старинную притчу, согласно которой наша планета стала отхожим местом богов, и вдохновенно созидать общий Храм.

Перед этим, в общем-то, вынужденным занятием подвиги Геракла покажутся легкой разминкой. Ведь меняется «мера всех вещей», обретается глобальный масштаб, при котором, однако, не должен не то, что потеряться

отдельный человек-этнос, но стать сверхчеловеком, преисполненным, по Ницше, взаимоуважения, мудрости и снисхождения, необходимыми для благодатной со-в-местности.

Литература

1. Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – 640 с.
2. Линч К. Совершенная форма в градостроительстве. – М.: Стройиздат, 1986. – 264 с.
3. Пруст М. По направлению к Свану. – М.: Худ. лит., 1973. – 461 с.
4. Юнг К.Г. Архетипы и символ. – М.: Ренессанс, 1991. – 288 с.
5. Шпенглер О. Закат Европы. – Новосибирск: Наука, 1993. – 595 с.
6. Шлейермахер Ф. Речи о религии. Монологи. – М.: ИСА, 1994. – 432 с.
7. Валери П. Об искусстве. – М.: Искусство, 1976. – 317 с.
8. Морозов И.В. Архитектурная герменевтика. – Минск: Пейто, 2001. – 201с.

Аннотация

Мы живем в мире многообразных Мест, что придает нам чувство душевного равновесия, удовлетворенности, спокойствия, уверенности в судьбе. Среди них выделяются Места родные и святые – Дом и Храм. Их мы, словно заново ищем, в периоды духовных смут и растерянности. Сегодня мы переживаем такую же испытывающую пору, названную глобализацией. То есть, вновь, теперь уже в планетарном масштабе переживаем потребность в благом Месте и торим пути к нему.

Заявка

Морозов Игорь Вячеславович

доктор культурологии, профессор,

Белорусский государственный университет культуры и искусств.

Тема доклада – Святое Место в глобальном масштабе.

РЕПОЗИТОРІЙ БГУКИ